

ФІЛОСОФІЯ ХІХ СТОЛІТТЯ

Борис Домбровский (Львов)

ФРАНЦ БРЕНТАНО КАК ПРЕДТЕЧА АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Изложение начнем с цитаты из Януша Саноцкого, исследователя творчества Франца Brentano, которая, на мой взгляд, правильно отражает состояние современной литературы, посвященной этому австрийскому философу. Я. Саноцкий пишет: «Итак, оказывается, что несмотря на почти что повсеместное и единодушное признание значительности философского наследия Brentano, его тексты, равно как и работы его учеников, не то что не поняты, а попросту еще не прочитаны. Можно ли говорить о понимании поставленных в них проблем? Парадоксальность и даже пикантность ситуации состоит еще и в том, что Brentano считается одним из творцов парадигмы научной философии XX-го столетия. Само собой возникает вопрос: насколько адекватно отождествление философии Brentano и парадигмы аналитической философии, если через восемьдесят без малого лет после смерти философа его наследие остается “плохо понятым”? На этот вопрос, увы, сегодня ответа – нет. Наверное, это все-таки “задача будущего”. Но теперь, как нам представляется, стало ясно, что философия Brentano, хотя и способствовала возникновению ряда философских школ и направлений, к ним все же несводима. Поэтому и понять ее при помощи концептуального аппарата, разработанного и используемого в этих философских школах – невозможно» [Саноцкий, 1999: с. 5].

В настоящей работе рассматривается влияние Brentano только на становление аналитической философии, другие направления и течения во внимание не принимаются. Поскольку аналитическая философия – это анализ с учетом языковых средств выражения даже без вопрошания «анализ чего?», то основное внимание будет уделено теории суждений Brentano, без анализа которой невозможно не только понять роль традиций брентанизма в аналитической философии, но и самое творчество австрийского философа.

Теорию суждений Brentano принято называть идиогенетической. Сам Brentano так ее не называл. Эта характеристика принадлежит его ученику Францу Хиллебранду. Он пишет: «Поскольку особенность его [Brentano]

теории состоит в том, что в суждении он усматривает особый род (*idion genos*) психических феноменов, тогда как все остальные теории суждений усматривают здесь только некоторое сопоставление психических элементов различных родов (*allo genos*), мы можем определить первую как идогенетическую, а все остальные как аллогенетические» [Hillebrand, 1891: S. 26].

Для наиболее адекватного раскрытия отличий обеих теорий суждений обратимся к К. Твардовскому, разделявшему взгляды своего учителя Brentано на природу экзистенциального суждения, но не принявшего его тетической формы. Твардовский пишет: «Общее свойство аллогенетических теорий состоит в том, что они сводят каждое суждение к синтезу или анализу, к некой комбинации представлений (т.е. образов или понятий), считая этот синтез или анализ, эту комбинацию или это отношение существенным фактором суждения. Появляющимся отсюда в дальнейшем свойством аллогенетических теорий является взгляд, якобы в каждом суждении должно появиться, по крайней мере, два представления, которые или соединяют, синтезируют, комбинируют, или путем анализа выделяют из первоначально одного представления. Поэтому согласно аллогенетистам к существенным и необходимым составляющим каждого суждения принадлежат субъект и предикат. Именно так они называют эти два представления. Идиогенетические теории отличаются от аллогенетических тем, что, во-первых, считают представления не существенными составляющими суждения, но условием суждения, во-вторых, принимают, что для того, чтобы высказать суждение, не обязательно необходимы два представления, поскольку часто достаточно одного представления; в-третьих, они усматривают в акте суждения психическое явление *suī generis*, а не какой-то синтез, комбинацию или анализ представлений. [...] в каждом суждении следует различать: акт, содержание, предмет суждения. Актом суждения является утверждение (признание) или отрицание (отбрасывание). Содержанием каждого суждения является действительность (существование). Предметом суждения является то, действительность чего (существование) мы утверждаем (признаем) или отбрасываем (отрицаем)» [Twardowski, 1907: S. 467].

Подытоживая содержание цитаты, можно сказать, что центральным моментом идиогенетической теории суждения является утверждение или отбрасывание существования представляемого предмета. Естественно предположить, что существование предмета суждения независимо от того, кто выносит суждение. Зато существование оказывается зависимым от его выражения в языке, т.е. кодификации, обозначения предмета. Здесь идиогенетическая теория испытывала трудности. Общий характер этих трудностей проявляется в сводимости материи суждения к одночленному выражению, а тем самым к отрицанию традиционного деления суждения на субъект и предикат. Эту тенденцию можно обнаружить у Гербарта и Тренделенбурга, сводящих материю суждения к предикату и выраженную в имперсональных глаголах, например, «шумит», «трещит» и т. п. Все же редукция Гербарта и Тренделенбурга неявно

предполагает агента упомянутых эффектов таким образом, что субъект суждения в традиционном смысле может быть восстановлен. У этих философов предикат суждения выступает как праформа традиционного суждения. Миклосич же считает, что одночленная форма, выраженная предикатом, и есть собственно суждение. Поэтому Brentano вступает в полемику с Миклосичем, продолжая его линию редукции материи суждения к единственному члену, но утверждает, что суждение является не только бессубъектным, но и беспредикатным. Таким образом, идеальная форма суждения, в котором полагается существование, т.е. тетическая форма имеет вид «А есть». Однако ранее, в частности в своих лекциях по созданной им силлогистике, Brentano, используя традиционные обозначения S и P для субъекта и предиката, отказывает им в какой-либо синтаксической определенности и допускает, подобно Джевонсу, коммутативность частей материи суждения – $SP = PS$. Как бы ни трактовать форму материи суждения, в свете однокатегориальной онтологии Brentano каждое из используемых обозначений S, P, SP или PS представляет один и тот же предмет суждения. Очевидно, что редукционизм Brentano приводит его к проблеме именованного предмета суждения, ибо безразличие, с каковым он манипулирует обозначениями одного и того же предмета, напоминает безразличие математика, говорящего с легкостью у доски: «обозначим». Как кажется, в сущности, так оно и было, поскольку силлогистика Brentano, используя символику «универсальной характеристики» Лейбница и правила вывода «от целого к части» и «от части к целому», позволяла ему манипулировать с *одним и тем же* предметом или его частями, используя различные их обозначения. Кратко говоря, однокатегориальная онлогия реизма Brentano предусматривала только одну семантическую категорию и, соответственно, только одну синтаксическую категорию (связка «есть» выражает убеждение и не играет даже формообразующей роли, как, например, у Фреге), подчиняющуюся упомянутым выше правилам вывода. Была ли эта семантическая категория суждением? Brentano считает, что да. Но даже такой последовательный ученик Brentano как Твардовский, правда, отвергавший реизм своего учителя, не мог согласиться со столь примитивной формой экзистенциального суждения «А есть» и искал, хотя и безуспешно, иную для него форму.

Для поиска логической формы экзистенциального суждения примем неявный тезис реформаторов традиционной логики, предполагающий изменение материи суждения в ретроспективе (поиск праформ), или в перспективе, предполагающей очищение традиционной формы от всех несовершенств естественного языка (Brentano). С этой целью попытаемся схематически указать главный вопрос, на который должно отвечать суждение в различные исторические эпохи. В античности суждение отвечало на вопрос «о чем?». И хотя Аристотель задавался вопросом о сущности предстоящей вещи, но сомнения в ее существовании не высказывал, т.е. часть «S есть» оставалась для него незыблемой. Проблема универсалий в схоластике касалась статуса субъекта суждения. Поэтому связка «есть», не вполне принимавшаяся во

внимание, была сильнее связана с предикатом, чем с субъектом, а значит ответ на главный вопрос «что (высказывается)?» предполагал в качестве невыбылемой части суждения «есть Р». В Новое время у Декарта мыслящая вещь предполагает ответ на вопрос «кто (судит)?». Этот метатеоретический вопрос на время оставляет в покое традиционную форму суждения «S есть Р», закрепляя за терминами возникшие ранее семантические различия, чем собственно и начинает отличаться традиционная силлогистика от Аристотелевой, но вместе с тем провоцирует экзистенциальное равенство терминов (Лейбниц, логики Пор-Рояля). Достигнутое относительно связки равновесие однородных терминов позволило И. Канту утверждать, что в историческом аспекте традиционная логика завершила свое развитие. Возможно, Канту для правильного положения дел в логике не хватало вопроса «как?». О. Конт его задал, а тот факт, что источником суждения оказалась мыслящая вещь, позволяет вопрос Конта отнести к суждению как явлению, и к моменту тотальной атаки на суждение кумулятивный эффект его исторического развития выглядел следующим образом: как (кто (что (о чем))) судит? Вопрос «как?» применительно к материи суждения, вероятнее всего, может означать «как обозначается предмет тетического суждения». Но самое главное, этот вопрос – как и предыдущий «кто?» – исключает связку «есть». Во всех предшествующих эпохах, если предположить наличие вопроса «как?», ответ не мог не содержать связки «есть», т.е. он звучал бы так – «при помощи связки «есть». Теперь же связка является помехой для материи суждения и у Brentano она выполняет роль утверждения (или отрицания), но не суждения, а существования предмета суждения. Отказ же рассматривать суждение вообще в плане какой-либо онтологии, привел к трактовке высказывания, игнорирующего связку, а тем самым и собственно суждение. И если высказывание превратилось в пропозициональную форму, принимающую во внимание только истинностные значения, то для суждения вопрос обозначения предмета оставался открытым. А обозначение – это компетенция метатеории. Поэтому следует обратиться к метатеоретическому уровню, на котором происходила интерпретация экзистенциального суждения по Brentano, или, лучше сказать, его прочтение. Вот одно из прочтений, достаточно адекватно передающее намерения Brentano [Черноскутов, 2011].

Традиционное прочтение	Возможное прочтение Brentano:
(A) Все S суть P	Не существует S, которое не-P
(E) Ни один S не есть P	Не существует S, которые P
(I) Некоторые S суть P	Существуют S, которые P
(O) Некоторые S не есть P	Существуют S, которые не-P

Первое же бросающееся в глаза отличие брентановских суждений от традиционных состоит в том, что утвердительными у него являются частные суждения, а общие – отрицательными. Такая интерпретация суждений свя-

зана с трактовкой Brentano понятия, которое в экзистенциальном, а тем самым и в истинностном плане эквивалентно аксиоме. Исследователь творчества Brentano, Я. Саноцкий, в своей диссертации пишет: «Каждое понятие, которое является предметом аксиоматического суждения, является внутренне противоречивым, поэтому такое суждение и является необходимым, что причина отрицания такого понятия находится в нем самом, а вернее в представлении этого понятия. [...] Это отчасти объясняет, почему Brentano считал, что все аксиомы являются или особым случаем принципа противоречия или же могут быть сведены к нему» [Саноцкий, 1999: с. 31]. Таким образом, в общих суждениях используются понятия, и вследствие их самопротиворечивости такие суждения всегда отрицательны. В частных же суждениях речь не идет о понятиях, поэтому трактовка «существует хотя бы один S» из объема понятия здесь не уместна; истинность таких суждений обусловлена очевидностью эмпирических данных, т.е. представляемым предметом, который в каждом акте представления всегда один. Поэтому эти суждения должны представлять субъект в единственном числе:

(I) Некотр. S суть P следует читать Существует S, которое P

(O) Некотр. S не есть P следует читать Существует S, которое не-P

Такое прочтение согласуется с реистическими установками Brentano. Именно частные экзистенциальные суждения наиболее полно приближаются к обозначающему выражению представленного предмета. Легко видеть, что выражение «существует», которым должно завершаться написание экзистенциального суждения и которое выражает момент утверждения, это выражение для обозначения предмета не играет никакой роли. А без него интерпретация частных суждений почти совпадает с выражением для дескрипции «тот, который P». О дескрипции речь пойдет позже, а сейчас – поскольку имеет место случай двойственной трактовки термина S как понятия, и как выражения для обозначения единичного предмета – попробуем разобраться с понятием.

Первоначальной функцией имени существительного является обозначение им окружающих предметов. Можно предположить синонимию слов, но, разумеется, не предметов: они незыблемы и относительно их у окружающих господствует согласие. Оно может быть полным или неполным в зависимости от воспринимаемых свойств, обусловленных индивидуальными особенностями органов чувств. Но, несмотря на различие в сущностях, существование конкретного предмета идентифицируется в узусе однозначно. Отношение, возникающее между предметом и словом как обозначающим выражением, является отношением именованя. Здесь важна направленность этого отношения: оно направлено от существующей вещи к слову (или словам, если имеет место синонимия), что будем в дальнейшем выражать знаком «↓». В речи, использующей общеизвестные слова, на отношение именованя, как правило, внимания не обращают. Но при классификации суждений, исполь-

зуемых для построения силлогистики, это отношение должно учитываться, и оно учитывается, но количественно, а не качественно, что, возможно, в условиях заочного дискурса приводит к утрате точности указания на конкретный предмет, но никоим образом не приводит к указанию на иные предметы. Кратко говоря, отношению « \downarrow » в языке соответствуют кванторные слова «все», «некоторые», «ни один» и т.п. Таким образом, при использовании некоторого выражения в качестве субъекта суждения, более или менее точное указание обеспечивается самим языком, понуждающим высказывающего суждения быть неточным всего лишь в количественном отношении. Говоря иначе и схематически, имела место ситуация, характерная для античности и которая была реализована в языке комплексом «S есть». В этой ситуации классического суждения всегда следует использовать кванторные слова «все», «некоторые» S, или схематически « \downarrow S», ибо прочтение, истолкование термина возможно только с использованием кванторных слов. Аналогично, под «S» здесь имеется в виду только термин для понятия, а не собственное имя.

Качественное же своеобразие предмету придавалось приписыванием ему в суждении свойств или состояний, выражаемых предикатом P. Если бы Сократ «пошел за языком» и не увидел в таком приписывании произвола, источником которого стал выносящий суждение человек, то он не открыл бы понятия. Поэтому Сократ изымает термин для понятия даже из такого минимального контекста, каковым оказалось суждение, т.е. из языка, а вместе с тем указывает на причину произвольного приписывания свойства субъекту – человека. Уровень высказывающего суждения – это метатеоретический уровень, на котором только и можно было дать определение понятию. На этом уровне понятие не обозначает и необходимость в кванторных словах отпадает. Зато подчеркивается бытийная определенность субъекта – «S есть», которая получила подкрепление в наличии рода. Принадлежность понятия к вышестоящему роду позволяет ему обобщать подпадающие под него предметы и тем самым формирует универсальную область бытия. Таким образом, определение понятия придает ему онтическую определенность помимо языка в метатеории, а тем самым располагает в одной плоскости – онтологии – выносящего суждение, и воспринимающего его. Последнее замечание весьма важно, поскольку лишает софистов возможности произвольно определять существование предмета высказывания, источником которого оказался человек. Поступок Сократа, как кажется, можно определить и так: определение понятия элиминирует человека, отодвигая его на метаметатеоретический уровень, который и сегодня оказывается едва ли достижимым.

И если Сократ исключил человека, прежде всего из сферы языка, закрепив содержание понятия в определении, то Brentano попытался ввести человека в дескриптивную психологию, одним из создателей которой он был. Причем истинность суждений оказывается у него релятивизована к состоянию сознания. Несколько общих фраз о позиции Brentano, конечно, недостаточно, чтобы окончательно разобраться в его новациях, но и подробное

изложение его синтетической, т.е. онтологической, логической и психологической теории одновременно может оказаться недостаточным до тех пор, пока не будет дан ответ на вопрос: какую роль в этой теории играет экзистенциальное суждение? В свою очередь этот вопрос может быть детализирован и в соответствии с историческими эпохами разбит на два: кто и как судит? Первый вопрос – кто? – по сути задал Декарт, а второй – как? – хотя и поставил Конт, но Brentano первым предложил на него готовый ответ в виде тетической формы экзистенциального суждения, материя которого должна состоять из одного члена. Как ни парадоксально, но Brentano оказался прав: реформирование традиционной логики привело к тому, что логическая форма высказывания оказалась состоящей из одного члена – пропозиции. Однако ни пропозициональная логика, ни логика предикатов не отменили традиционной силлогистики. Объяснение неудачам Brentano, возможно, состоит в том, что он попытался не столько создать логику на новых основаниях, сколько пересмотреть историческое наследие с точки зрения вызовов, брошенных XIX ст. Его ретроспективный взгляд обнаруживал в античности, средневековье и Новом времени то, чего в них не было. Можно даже высказать смелое предположение, что Brentano, чувствуя интуитивно наличие стоящих перед его столетием вопросов «кто?» и «как?», обращал свое вопрошание к прошлому. Но этих вопросов в явном виде он не задавал ни прошлому (а там их и не было), ни настоящему. В традиции брентанизма довольствовались двумя первыми вопросами – «о чем?» и «что?». Во всяком случае, так поступал Твардовский, когда излагал теорию Brentano. В частности, объясняя объектив Мейнонга, он говорил, что предмет суждения – это ответ на вопрос «о чем?», а объектив – ответ на вопрос «что?». Этими двумя вопросами и ограничивалось вопрошание суждения в идиогенической теории. Возможно, этих вопросов было бы достаточно, если бы они касались только сферы языка, теоретической области. Однако уже опыт борьбы Сократа с софистами должен был бы подсказать Brentano, что дело не столько в языке, сколько в его носителе.

Таким образом, вопросы «кто?» и «как?» выводили за сферу сугубо языковую. И если первый вопрос, берущий начало у Декарта со временем привел к психологизму, то второй дал толчок созданию искусственных, формализованных языков. Оба момента имели место в творчестве Brentano, но создатели формализованных языков, и в первую очередь Г. Фреге, как раз попытались сконструировать эти языки в противовес нарастающим тенденциям психологизма в деле построения математической логики. А это значит, что ответы на вопросы «кто?» и «как?» задавали противоположно направленные векторы развития логики. Объяснение центробежных тенденций, порождаемых этими вопросами, как кажется, следует искать вне логики, поскольку ответы на них лежат вне сферы компетенции Органона. И только потому, что будь то суждение (логика имен), или пропозиция, или логика классов – у всех этих систем не только общее логическое ядро, но и общее

основание – высказывание, которому может быть приписана истинностная оценка. Но поскольку ответы на вопросы «кто?» и «как?» не сближают векторы развития логических систем, но разводят их, то возникает подозрение, что в ответах содержатся разные основания, положенные в основу реформ традиционной логики. Говоря иначе, в вопросах «кто?» и «как?» не просматривается преемственность в материи суждения, как это имело место в свое время с вопросами «о чем?» и «что?». И если два последних вопроса непосредственно касаются суждения, которое пытался реформировать Brentано, то относятся ли два первых – «кто?» и «как?» – к суждению? Ответ очевиден – нет. Поэтому, в свою очередь, возникает вопрос: чем является экзистенциальное суждение Brentано, прочитываемое как «существует S, которое P (не-P)?».

Первое и весьма важное замечание по поводу прочтения экзистенциального суждения уже было сделано выше, а именно, речь должна идти только об одном представленном предмете S и не должно употребляться множественное число «существуют S». Его употребление не только искажает реистическую позицию Brentано, но также и всю идиогеническую теорию суждений, необходимым условием которой является представляемый предмет. Вместе с тем, употребляемое для предмета(ов) множественное число, при прочтении частных суждений ассоциируется с понятием, объем которого как раз и может содержать более одного предмета, тогда как использование понятий допустимо только в общих суждениях, которые отрицательны, а значит, не содержат ни одного предмета. И независимо от того, содержит ли объем понятия предметы или он пуст, понятие – о чем справедливо пишут современные учебники – обобщает. А обобщает оно за счет рода, за счет определения универсума рассмотрения существующих предметов. Но лучше будет сказать, что понятие в своем термине ограничивает, запрещает произвольно манипулировать с содержанием и объемом, оно не допускает в термине, каким бы сложным он не был, разрыва между сущностью (содержанием) и существованием (объемом). Именно в указанном запрете даже на произвольное соотношение содержания и объема понятия, не говоря уже об их семантическом, а значит неминуемо и синтаксическом разделении и состоит пафос поступка Сократа. Важность этого замечания можно будет оценить при рассмотрении новаций Brentано, ведь внешнее сходство – единый термин и единственный член суждения в идиогенической теории – налицо.

Не так обстоит дело с частными положительными суждениями, в которых собственно и утверждается существование *одного предмета*. Именно к этому одному предмету и применимы правила вывода в силлогистике Brentано – от целого к части и от части к целому. Следовательно, понятийный аппарат реизма иной, нежели аппарат онтологии объема, задаваемой понятием. Онтология реизма – мереология содержит иные семантические понятия, нежели онтология понятия, ее основными элементами являются часть и целое. Именно в терминах части и целого следует продолжать анализ част-

ных экзистенциальных суждений, только в этих терминах может быть осмысленной однокатегориальная онтология Brentano. Но прежде чем перейти к собственно частным экзистенциальным суждениям, поставив к ним вопрос: что в них есть часть, а что целое, рассмотрим некоторые употребляемые в традиции брентанизма (и не только) выражения, в которых используется целое. Такое рассмотрение необходимо для того, чтобы в «чистом виде» выделить имманентный предмет или его часть в соответствии с интенцией высказывающего суждение.

В естественном языке существует весьма древний способ указания части при помощи упоминания целого. Как правило, он реализуется при помощи родительного падежа и в обобщенном виде может быть прочитан как «часть от целого». Например, «король Франции», «берег реки» и т. д. Известно, что Франция возникла как монархия, а поэтому ее король есть часть целого, и даже в устах Людовика XIV часть оказывается целым – «Государство – это я!». (Этот пример можно рассматривать как убедительный ответ на вопрос «кто?»). У реки есть берега, они неотъемлемая ее часть как целого. Короли могут сменять друг друга, а Франция как целое единственна; можно иметь в виду левый или правый берег, но конкретная река одна. Причем в последнем примере река не является понятием, поскольку в рассматриваемой конструкции родительного падежа она всегда предстает в единственном числе, т.е. как единственный в рассматриваемой ситуации предмет. Как кажется, даже весьма древнее отношение родства, а точнее анкестральное отношение, хотя и не использующее родительный падеж, все же может рассматриваться как указание части с использованием целого. Например, «Симоне, сыне Ионин» и производное в современном языке указание имени с упоминанием отчества. В таком отношении имя индивида указывает на часть, целым для которого является отец, например, Иван Петрович. А ведь сын не более отца! И, разумеется, часть не более целого. И уже здесь можно провести сравнение онтологии, задаваемой понятием, и мереологии: понятие обобщает, а мереология – если в ней используется операция взятия части от заданного целого, как в приведенных примерах – разделяет. Естественно задаться вопросом: а можно ли с помощью языка составить целое, используя части, т.е. составить имя некоторой целостности, используя имена ее частей, или – используя немецкую терминологию, приведшую к логическому атомизму – представить *Sachverhalt*? Подытоживая кратко сказанное, зададимся вопросом: от целого к части удастся перейти, а можно ли перейти от части к целому, к имени целого? Вопрос не праздный, ибо с точки зрения экзистенциального суждения положительный ответ на него означал бы, что можно создавать бытие, используя имена частей еще не существующего целого.

Другой языковой конструкцией, использующей в качестве основного элемента имя некой целостности, являются выражения «красная роза», «круглый квадрат» и т.п. И здесь речь не идет о понятиях по высказанным выше причинам. Поэтому «розу» и «квадрат» следует трактовать как имена идей в том

смысле, как идею трактовал Платон, делая упор на онтической стороне эйдоса. В этой трактовке идеи как целого можно использовать множественное число причастных идей вещей. Таким образом, существуют безотносительно к роду (в отличие от понятий) розы, квадраты, их существование самодостаточно, его можно только уточнить, но никоим образом не создать его модификацию, т. е. в сущности, новое бытие. В этом случае работает теория модифицирующих и детерминирующих прилагательных: модифицирующие лишают идею и причастные ей предметы существования, как это имеет место с квадратом, а детерминирующие уточняют онтический статус предмета, в данном случае розы [Twardowski, 1927]. Положенная в основу теории модифицирующих и детерминирующих прилагательных бинарная логика, в конечном счете, приводит к утверждению: целое или есть, или его нет.

Обратимся теперь к теории суждений Brentано, имея в виду только частные суждения, поскольку общие исходят из трактовки терминов для понятий, хотя общей идеальной формой для всех суждений должно быть совершенно одночленное суждение «А есть». Но, тем не менее, в построениях своей силлогистики Brentано рассматривает двучленные суждения, состоящие из S и P. (С точки зрения Brentано писать «из субъекта и предиката» было бы неправомерно, ибо экзистенциальное суждение, как было отмечено выше, и бессубъектно, и беспредикатно). С формальной точки зрения комплекс «SP» есть единое обозначающее предмет выражение, поскольку связка «есть» («не-есть») выносится за пределы собственно обозначения и выражает, как уже было отмечено, момент утверждения или отрицания. Анализ выражения «SP» может быть проведен только в понятиях целого и части. На помощь здесь приходит однокатегориальная онтология Brentано, утверждающая, что P есть тот же S, но акцидентально расширенный. Акцидентально расширенная субстанция с точки зрения содержания суждения, обеспечивающего надежность критерия «ясности и отчетливости», или Evidenz, как раз и будет тем целым, по отношению к которому в формуле SP частью является S. С этой точки зрения S является частью P. Поэтому S можно опускать, если считать, что все-таки удастся редуцировать суждения естественного языка к одночленному экзистенциальному суждению «P есть», как того требовал Brentано. Поскольку силлогистика Brentано является негативной, то для частных суждений синтаксического различия не существует: «существует S, которое P (соответственно не-P)». Но и предложенное прочтение не соответствует намерениям Brentано и в соответствии со структурой одночленного суждения «P есть» его следовало бы читать так: «S, которое P, существует». Полная же редукция в соответствии со сделанными замечаниями об акцидентальном расширении субстанции позволяет использовать запись «□, который P». А что же теперь следует поставить на место значка □, символизирующего пустое место для S, ведь нельзя же начинать суждение с придаточного предложения? На место значка □, как кажется, следует поставить указательное местоимение «тот», указующее на имманентный предмет,

данный во внутреннем опыте. Тогда указательное местоимение является выражением интенции, широко используемой Brentano. Таким образом, редуцируемое экзистенциальное суждение должно иметь вид «тот, который Р». Но поскольку прочтение экзистенциального суждения имеет место в естественном языке с принятым набором семантических категорий, то вполне допустимо не до конца редуцируемое выражение «тот S, который Р». Результат проделанной здесь редукции не является неожиданным, ведь иного способа представить вовне имманентный сознанию, а значит уникальный предмет нет. Вот как этот момент отражен в монографии Стивена Приста: «Brentano допускает, что ментальное в некотором смысле “индивидуально” (“private”). Данное слово имеет несколько смыслов в философии сознания, но Brentano употребляет его в следующем смысле: “Ни один психический феномен более чем одним-единственным человеком не воспринимается”¹, поэтому вполне законно определять ментальное как “область внутреннего восприятия”. Верно, что физические объекты являются в некотором смысле общедоступными. Вы, я и другие можем одновременно или последовательно воспринимать один и тот же физический объект. Но вы, я и другие не можем иметь восприятия данного объекта друг другом, равно как и не можем чувствовать депрессию другого или обладать чужой болью. Ваше восприятие – это ваше восприятие, а мое восприятие – мое восприятие. Почему это должно быть так в нетавтологическом и нетривиальном смысле – фундаментальный вопрос философии сознания. Но Brentano этот вопрос не интересуется [Прист, 2000].» Можно добавить – совершенно напрасно. Как кажется, из-за этого безразличия Brentano остался непонятым.

Не затрагивая упомянутого С. Пристом фундаментального вопроса философии сознания, сосредоточимся на том, как указанное различие отражено в языковых средствах выражения установок высказывающего экзистенциальное суждение и воспринимающего его.

Прежде всего, отметим, что Brentano сетует на несовершенство естественного языка, в котором почему-то используются другие формы, нежели тетическая форма «А есть». Поэтому сам Brentano и популяризаторы его теории, например, Твардовский в своих обзорных лекциях по логике, были вынуждены прибегать к интерпретации экзистенциальных суждений. И вот эти прочтения, или интерпретации у воспринимающего, особенно студента, могли вызывать совершенно отличное представление, нежели у создателя идиогенической теории суждения. И не только могли, но и должны были вызвать различное отношение, прежде всего в моменте утверждения существования. Если это так, что будет установлено ниже, то становится понятным, почему для всех воспринимающих момент утверждения выходил на первый план. Даже если предположить, что прочтение экзистенциального суждения его создателем, например, Brentano совпадает с прочтением воспринимающего, то и то-

¹ С. Прист цитирует Ф. Brentano; см.: [Brentano, 1996: с. 36].

гда существование предмета суждения для Brentано, несомненно, более убедительно, чем для воспринимающего это суждение. Здесь нужно заметить, что речь идет, конечно, о заочном, а не об очном представлении предмета, ибо при наглядном утверждении, экзистенциальное суждение в предложенной выше трактовке превращается в остенсивное определение, и разногласия могут касаться только по разному воспринятой акциденции, например, интенсивности цвета предмета, оттенков и т.д. Но все эти различия в языке принадлежат одной семантической категории, относительно которой в ситуации наглядного указания у высказывающего и воспринимающего суждение разногласий нет. Совершенно иная картина имеет место при заочном представлении предмета высказывающим суждение и воспринимающим его.

Действительно, Brentано был прав, когда утверждал, что в экзистенциальном суждении дан акцидентально расширенный предмет представления. Что послужило для него основанием уверенности в существовании такого предмета? Таким основанием были акциденции, которые неявно выступали в качестве *оценок*.² Именно на основании вынесенных во внутреннем опыте оценок и происходит утверждение существования. Расширенный акцидентально предмет – это не идея, не понятие, но признанный на основании оценок предмет внутреннего опыта. Brentано верно замечает, что человек в качестве предмета воспринимает не высоту тона, интервалы, а мелодию, не пигменты на полотне, а изображение, выполненное художником. И все эти образы внутреннего опыта строятся на основании оценок, которые в некоторых работах Brentано принимают вид интенциональных отношений – любви и ненависти, прекрасного и отвратительного, добра и зла. Но не только эти оценки являются основанием для утверждения существования предмета суждения, но любое его свойство. Перечисленные оценки, можно сказать, являются образцами, фиксирующими совпадение свойства представленного предмета и имманентно присущих сознанию образцов, выработанных воспитанием и обучением. В упомянутых оценках уже дан результат сравнения акциденций предмета и имеющихся образцов. И так же как образ есть результат представления, так оценка есть результат сравнения. Но поскольку сравнивать можно только одноуровневые категории, то сравнение выработанных оценок возможно только с акциденциями, воспринимаемыми как оценки. Таким образом, в экзистенциальном суждении мы получаем «новую семантическую категорию» – оценок. Категория оценок и служит основанием для принятия или отбрасывания предмета суждения. Вот два примера отбрасывания и принятия образов воспринятых вещей. В одной из своих работ Твардовский сравнивает европейскую музыку и китайскую, говоря о последней, что она не понятна, экзотична и т.п., т.е. он не может считать ее му-

² Отметим, что используя схоластическую терминологию, Brentано пользуется термином акциденция, тогда как в реистической онтологии (правда, она появилась позже его теории суждений), наверное, было бы уместным употреблять термин атрибут. Настоящее замечание становится особенно значимым, если заметить, что речь должна идти, прежде всего, о мыслящей вещи.

зыкай. Этот образ музыки отбрасывается. Другой пример из разряда анекдотов, но не лишен правдоподобия. В старые, а значит, добрые времена иранский шах посетил С.-Петербург. Его повели в Мариинский театр на музыкальное представление, после которого спросили: понравилась ли ему музыка? Шах с восточной вежливостью ответил, что музыка понравилась, но особенно она была хороша до поднятия занавеса. Как известно, до поднятия занавеса перед представлением оркестр настраивает инструменты.

Итак, если для высказывающего экзистенциальное суждение акциденции суть оценки, то для воспринимающего его в интерпретации, такое суждение превращается в дескрипцию. Понятно, что в ситуации заочного представления предмета, выражение «А есть» скажет слушающему о существовании предмета меньше, чем выражение «тот, который А». А в нем акциденции предмета трактуются как его свойства, или, говоря языком аллогенической теории суждения, как предикат. Категория оценки и семантическая категория предиката очевидным образом не совпадают. Поэтому момент утверждения, для выносящего экзистенциальное суждение на основании оценок, очевиден, а для воспринимающего дескрипцию в заочной ситуации далеко не очевиден, так что ему приходится существование принимать на веру. Вот откуда возникает знаменитое *belief*. Вот почему Рассел, открывший после прочтения работ Мейнонга со товарищи, дескрипцию, даже если и допустить, что он решил бы использовать мерологию в качестве онтологической теории описываемого предмета, он все равно вынужден был бы трактовать акцидентальное расширение предмета как предикат, а не как оценку. И в этом нельзя не видеть защитного механизма языка, который отказывается признавать категорию оценок семантической категорией, поскольку оценка – категория психологическая, а аналитическая философия, появившаяся в результате борьбы с психологизмом, разумеется, не могла зачислить оценку в арсенал своего оружия.

Теперь с исторической точки зрения понятной становится роль Brentano. Он сыграл ту же роль, что и софисты в античности. Правда, дистанция между Протагором и Brentano огромная и имеются различия, главное из которых содержится в них самих. Фраза Протагора, изложенная Платоном в диалоге «Теэтет», звучит так: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют». Мера – это та же оценка. Но мера Протагора не выходит за пределы микрокосма и им же определяется, а оценки Brentano в экзистенциальном суждении касаются макрокосма. Однако в обоих случаях результат один – истина относительна. Для Протагора мир изменчив, но он создан не им; Brentano же, возможно, пытаясь избежать роли творца, почему, в конечном счете, будучи заложником своей теории суждений, и приходит к реизму, оказался создателем вещей, принадлежащих макрокосму. Хорошо, что только в своем сознании, а не в сознании окружающих, ведь сознание высказывающего воспринимает языковое выражение как суждение о существовании имманентного этому

сознанию предмета, тогда как сознание другого вынуждено трактовать это суждение как описание.

В сказанном об оценках вовсе не упомянуты логические оценки «истина» и «ложь». А не упомянуты они потому, что у Brentano, во всяком случае, «истина» вторична по отношению к оценкам, например, эстетическим и этическим. Можно сразу заметить, что аналог декартового «ясно и отчетливо» — *Evidenz*, прежде всего, относится к образу сознания и только потом уже служит основанием для вынесения истинного экзистенциального суждения. Поэтому *Evidenz* и считается критерием истинности. Но лучше поискать другой критерий, как истинности, так и прочих оценок. Таковым можно считать средневековый критерий существования единственной вещи (раз уж речь идет исключительно о единственном предмете представления), или просто единого — *unum*, который содержал в себе для существующего предмета три оценки: блага, поскольку считалось, что лучше быть, чем не быть, ведь бытие исходит от Творца; прекрасного, ибо созданное Им не может быть отвратительным; наконец, истины, поскольку такой предмет может стать субъектом истинного суждения. Средневековая интенция была направлена в каждом конкретном случае к единственному предмету, а потому единому — $unum = \{bonum, pulchrum, verum\}$ при единственном условии: этот предмет не должен быть создан чьей-то головой, а извлечен, как например, универсалия в концептуализме, из самой вещи. Единство оценок свидетельствует о метафизическом соединении истинного слова и физической субстанции, акцидентально характеризуемой как прекрасная и благая, или, говоря иначе, это единство подчеркивает момент творения мира по Слову. А другой позиции, кроме креационистской, средневековье не знало. Brentano же воспользовался декартовым дуализмом, находя поддержку у Аристотеля, отмечавшего, что субстратом «истины» является язык, а значит единый образ, на который и направлено интенциональное отношение австрийского философа, и поэтому собственно предмет может быть охарактеризован только двумя оценками — эстетической и, возможно, этической. Так был реализован в проекте Brentano дуализм, порожденный рационализмом: истина принадлежит мыслящей субстанции, а прекрасное и благое — протяжной. Интуитивная же попытка соединить в одночленном (вот где выходит наружу отмеченное выше единство) разделенные оценки, ибо во внимание принимается только истинность утверждающего существование суждения, как показали его различные интерпретации или прочтения, приведшие к дескрипции, такая попытка была обречена на неудачу. Одной из причин неудачного построения теории истинных экзистенциальных суждений, как кажется, является вторичность «истины» по отношению к другим оценкам, которую в случае с Brentano обычно называют релятивностью «истины». Отмеченная вторичность «истины» вполне легитимна в рационализме, но она не совместима с креационизмом, ибо Brentano невольно замахивается на творчество по слову, утверждая в нем существование.

Изложенное выше максимально широкое толкование позиции Brentano в вопросе о суждении находит подтверждение в диссертации Я. Саноцкого «Логика и онтология в философии Франца Brentano». Он пишет: «Следовательно, единственной вещью, о которой может сказываться истинность либо ложность, является суждение. Суждение же принадлежит к психическим феноменам, поэтому суждения в смысле Brentano – это деятельность суждения (*das Urteilen*), которая, естественно, не может мыслиться вне субъекта этой деятельности – человека.» Прервем цитирование, чтобы отметить знаменательный момент в трактовке суждения – «это деятельность». Однако эта деятельность связана с существованием, определяет его. И если это по очевидным причинам не в чистом виде первоначальное Аристотеля, но и вовсе не чистый акт, как его определял Фома из Аквина: здесь деятельность есть атрибут твари, а не сущность Творца. Продолжим цитату: «Таким образом, Brentano приходит к утверждению, что носителем истины есть человек, совершающий суждение. Именно человек, как мыслящая вещь, которая согласно реистической онтологии существует в подлинном смысле, является носителем истины. Точнее, истина есть свойство мыслящей вещи, которая совершает акт очевидного суждения. Таково окончательное определение понятия истины, к которому пришел Brentano [Саноцкий, 1999: с. 52].» Остается подчеркнуть, что не только мыслящей вещи (*res cogitans*), но и полагающей в суждении существование (*res judicans*).

Приведенная выше цитата снабжена ссылкой, которая заслуживает того, чтобы в рассматриваемом аспекте быть вынесенной в основной текст: «Термины “носитель истины” (*truth-bearer*), а также “делатель истины” (*truth-maker*) предложены современными исследователями философии Brentano.³ На наш взгляд, термины очень удачны, так как, во-первых, упрощают понимание проведенного Brentano различия между истинным суждением и тем, что делает это суждение истинным (переживанием очевидности); и, во-вторых, содержат указание на связь вопросов, входящих в тематический круг Brentановской теории истины, с онтологией. Так “носителем истины”, согласно Моршеру и Саймонсу, является такое качество, которому можно приписать истинностные оценки. Причем термин “качество” должен пониматься нейтрально, как термин, который охватывает все категории [Саноцкий, 1999: с. 52].» Здесь мысль Моршера и Саймонса нужно уточнить в соответствии с выше изложенным: само качество в экзистенциальном суждении является оценкой, но прочитанное в виде дескрипции суждение, т.е. собственно дескрипция как раз и содержит качества, которым следует приписывать истинностные оценки. А в связи с этим уточнением можно задать два однотипных вопроса: является ли Brentano как делателем истины, так и существованием, или – учитывая относительный характер истины – он является только делателем существования? Поскольку теория истинности

³ Я. Саноцкий ссылается на [Morscher, Simons, 1984].

Брентано никуда не годится, т.к. построена на крайне психологическом основании, то следует согласиться со вторым членом альтернативы. Но не забудем, что лишая Брентано права создавать истину, у него остается право, а точнее присваивается им, причем, вероятно, неявно – считать все прочие качества или акцидентальные расширения оценками.

Продолжая пользоваться заданной Пристом дихотомией «для меня» и «для вас» в анализе экзистенциального суждения, отнесем тетическую форму Брентано «А есть» к разряду «для меня», а прочтение или интерпретацию этой формы к разряду «для вас». Говоря иначе, делатель существования делает его для себя, а воспринимающий это существование в тетической форме вынужден делать его для себя. Свидетельством того, что тетическая форма в первом и втором случае не совпадает, может служить тот факт, что и Брентано, и его последователям, например, Твардовскому приходилось слушающим их студентам иначе, чем экзистенциальное суждение прочитывать форму «А есть», т.е. трактовать ее, интерпретировать, прочитывать. И даже прямо, с целью объяснения, переводить прочтение суждения в аллогенической теории непосредственно в прочтение в согласии с теорией идиогенической. Например, суждение «некоторые люди не знают латыни» по Брентано следует читать «существуют люди, не знающие латыни». Все эти трактовки, прочтения, интерпретации тетической формы как раз и свидетельствуют о том, что восприятие суждения идиогенической теории тем, кто его продуцирует, отличается от восприятия реципиента. Отличие коренится в различных основаниях бытийного характера, которые непременно должны сказаться тогда, когда речь идет о существовании. Ведь продуцент суждения, все тот же Брентано, выносит его на основании существования ясного и отчетливого образа своего сознания, т.е. внутреннего опыта, тогда как реципиент использует внешний опыт и воспринимает звучащее или написанное выражение языка с тем, чтобы на его основании воспроизвести образ по возможности адекватный образу продуцента суждения. Говоря языком дескриптивной психологии, даже если Брентано объясняя описывает образ, то реципиент этого описания (суждения существования), если у него не сложился образ, вынужден представлять само описание. К тому же субстраты продуцируемого образа и воспринятого различны: в первом случае это имманентный образ сознания, а во втором – собственно выражение языка, которое может и не вызвать никакого образа, кроме образа самого выражения. Именно в подобной ситуации Твардовский говорил, что приходится пользоваться образом выражения для суждения, если имеет место имагинативный провал у реципиента. Кратко говоря, продуцент суждения воспринимает образ предмета, а реципиент – языковое выражение. А если выражение тетической формы заменяется ее интерпретацией, то будет иметь место также и категориальный сдвиг в онтологии, непременно получающий свое отражение в семантических категориях. А именно, при интерпретации однокатегориальная реистическая онтология Брентано станет бикатегориальной, ведь при прочтении,

приближенном по форме к дескрипции, акциденция, которая есть расширенная субстанция, станет качеством или предикатом.

В конечном счете, в пользу разделения, или даже распада экзистенциального суждения на «для меня» и «для вас» говорят два следующих обстоятельства. Во-первых, теория экзистенциального суждения, а тем более силлогистика Brentano не получили никакого распространения. И не удивительно, ибо эта силлогистика, как показали ее современные исследования, разительно отличается как от Аристотелевой силлогистики, так и традиционной, ибо она без экзистенциальных предпосылок [Черноскутов, 2011, с. 156]. Имманентные же образы сознания продуцента экзистенциального суждения таковыми считаться не могут. И, во-вторых, во всяком случае, для автора настоящих строк, решающим аргументом, говорящим об отмеченном распаде экзистенциального суждения, является творчество ученика Brentano, основателя Львовско-Варшавской школы К.Твардовского. Без преувеличения можно сказать, что все научные работы Твардовского написаны с позиции идиогенической теории суждения. Принимая в общих чертах эту теорию, Твардовский внутренне не был согласен с ее выражением в языке, т.е. с тетической формой [Twardowski, 1907]. Поэтому поиск такой формы, которая бы удовлетворяла Твардовского, продолжался во всех научных работах и с разных позиций на всем протяжении жизни философа. Именно по этой причине считается, что Твардовский до конца не изжил в себе психологизм. Наконец, следует указать на неоконченную, а потому и не опубликованную при жизни автора рукопись «Теории суждений» [Твардовский, 1999]. В ней Твардовский пишет: «Таким образом, вопрос, в каждом ли суждении имеется субъект, связка и предикат, или же существуют также и так называемые бессубъектные суждения, потому и не входит в круг вопросов настоящей работы, поскольку, как окажется в продолжении рассмотрения, субъект, связка и предикат суть части некоторой части суждения, а не суждения, взятого как целое [Твардовский, 1999: с. 50].» Приведенная цитата ясно говорит, что в «Теории суждения» отбрасывается деление материи традиционного суждения на части (аллогеническая теория), которые оказываются всего лишь частью суждения как целого (идиогеническая теория), а неоконченная рукопись свидетельствует, что новой логической формы для экзистенциального суждения как целостности так и не было найдено. Другой работой Твардовского, хотя и опубликованной, но оставляющей чувство неоконченной, является произведение «О действиях и результатах» [Твардовский, 1997]. О незавершенности этой работы, как кажется, свидетельствует не только ее подзаголовок – «Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики», но также впечатляющий своей масштабностью замысел построить общую теорию результатов,⁴ среди ко-

⁴ Термин «результат» не совсем адекватно передает значение польского слова «wyników», которое в польском тексте автора имеет вполне определенную коннотацию с материалом результата.

торых необходимо выделить артефакты и указать с их помощью механизм номинации. Разумеется, под этот механизм номинации должна подпадать материя экзистенциального суждения, в котором отражен предмет представления. Говоря несколько огрубленно, Твардовский пытается решить вопрос, как одно физическое целое может быть обозначено другой целостностью, являющейся артефактом и способной служить знаком первого. Но разве мы знаем, как имя именуется?

Впрочем, последний вопрос прозвучал несколько патетически и речь в нашем случае должна идти о максимально широком понятии, выражающем отношение не любого знака, а лингвистического к обозначаемому предмету. Поэтому лучше говорить об обозначении, нежели о номинации, а также и по той причине, что в идиогенической теории суждения оно обозначает предмет; прочтение же экзистенциального суждения, как было показано, приближается по форме к дескрипции, а значит, описывает, и даже термин для понятия, приближаясь к обозначаемому выражению, делает это только в составе аллогенического суждения и на месте субъекта, причем (если это не собственное имя), как правило, неоднозначно и только с помощью кванторных слов. Продолжая же линию Brentano, займемся интерпретацией тетической формы экзистенциального суждения.

Наверное, уже много ранее можно было бы сказать, что прочтение тетической формы есть описание предмета экзистенциального суждения, а не просто приближается к нему. В пользу такого утверждения говорит аргумент самого общего характера, состоящий в том, что с позиций метода деятельность сознания по извлечению вовне, т.е. «для нас» имманентного предмета с помощью языка является описанием, разворачиваемым последовательно во времени с использованием определенных семантических категорий, а значит и их синтаксических эквивалентов. Говоря иначе, описание без синтагматики обойтись не может. Синтагматика и дробит целостный образ сознания при попытке передачи его реципиенту. При этом сохраняется парадигматика отдельных частей составного выражения за счет выразительных возможностей естественного языка, например, синонимии. Brentano же в тетической форме отказывается от синтагматики, чтобы сохранить целостность представляемого предмета, и, можно сказать, пытается использовать только парадигматику. Но представить имманентный образ при помощи формы «А есть» не удастся, ибо приходится расшифровывать, чем является «А» с точки зрения естественного языка. А уж тем более с «чистыми» тетическими формами «А есть», «В есть» и т.д. силлогистики не построишь. Поэтому, на что уже указывалось, ему приходится использовать традиционные обозначения «S» и «P». Целостность при этой модификации тетической формы сохраняется за счет коммутативности частей: $SP = PS$. Даже если забыть, что P и S переменные, а значит, парадигматика обнаружит себя в любом случае, то какое выражение получит коммутативность при интерпретации в естественном языке? Никакое, поскольку Аристотель шел от синтаг-

матики естественного языка к логической форме суждения, а Brentano от «логической формы» экзистенциального суждения к различным ее прочтениям в естественном языке, лишенным какой-либо грамматической однозначности. Оборачиваемость же терминов традиционного суждения не может служить подтверждением взглядов Brentano, ибо в отдельных случаях ей препятствуют экзистенциальные предположения посылок силлогизма, укорененные в естественном языке, от которого Стагирит и начал поиск логической формы суждения: это у Brentano «белизна» субстанция, а у Аристотеля она требует субстрата. Следовательно, парадигматика тетической формы имеет нулевое измерение и намерение Brentano «одним махом» передать в языке некую существующую целостность столкнулось с проблемой обозначения в этом языке. Несколько утрируя представленное положение дел, можно было сказать, что Brentano, возможно, удовлетворила бы фотографическая пластинка с образом представленного предмета, но у фотографии другой язык, нежели естественный. Вот на такой пластинке синтагматику обнаружить трудно, но можно говорить о парадигматике, которую следует назвать коллажом. А вторым аргументом в пользу описания как действительного выявления тетической формы экзистенциального суждения служит аргумент исторического свойства: внутренний опыт может быть только описан, что и показала как феноменология, так и дескриптивная психология.

Итак, какова бы ни была интерпретация тетической формы экзистенциального суждения, она может быть редуцирована только к форме дескрипции в естественном языке. А дескриптивная форма естественного языка не может выразить однокатегориальную онтологию Brentano, поскольку, о чем уже упоминалось, такая онтология предполагает единственную семантическую категорию, тогда как дескрипция может быть реализована только при условии наличия более чем одной семантической категории, или, по крайней мере, тех, которые могут присутствовать в традиционном суждении. Поэтому онтическая предпосылка Brentano ошибочна. И ведет она к одной семантической категории – к имени. Синтагматику же естественного языка комбинаторикой имен не заменишь.

Тем не менее, следуя за Brentano, останемся при единственной семантической категории онтологии венского философа и обратим внимание на то, как в этой онтологии реализуется мереология, или как в ней происходит различение частей при сохранении целого. Не вдаваясь в подробное изложение выделения отдельных частей, отметим, что Brentano в основу реизма кладет т. н. одностороннюю отделимость, ибо только она может сохранить целостность вещи. Чтобы быть точным в этом вопросе, обратимся к уже упомянутой «Теории суждений» К. Твардовского. Он пишет: «Если мы сравним понятие цвета с понятием голубизны, то увидим, что понятие цвета как часть содержится в понятии голубизны, тогда как в понятии цвета мы не находим понятие голубизны как части. Понятие цвета не удастся отделить от понятия голубизны, но понятие голубизны удастся отделить от понятия цвета. Это значит,

что, думая о голубизне, мы по необходимости мыслим о цвете, поскольку голубизна является цветом, однако, думая о цвете, мы не обязательно думаем о голубизне. Поэтому понятие цвета мы называем логической частью или односторонне отделимой от понятия голубизны [Твардовский, 1999: с. 51]». Причем в экзистенциальном суждении согласно Твардовскому важны те части суждения, «которые от суждения неотделимы, вместе с ним существуют и погибают.» А теперь зададимся вопросом: удастся ли одностороннюю отделимость выразить в языке при условии единственной семантической категории имен? Или иначе: всегда ли из акцидентального расширения удастся односторонне выделить часть и выразить ее в языке? Ответ, который, казалось бы, опровергает разъяснения Твардовского, очевиден – нет. Впрочем, можно допустить и обратный ответ – да, если считать, что в языке нет прилагательных «голубой», «белый», нет существительных, например, «лошадь», но есть только выражения «голубизна», «белизна», «лошадность», и можно добавить «цветность», по отношению к которым и не возникнет понятия семантической категории. И как в таком случае быть с интерпретациями, прочтениями тегической формы экзистенциального суждения? Они оказываются просто невозможны. Какая-либо коммуникативная деятельность в отношении тех же студентов Brentано или Твардовского обречена на неудачу, ибо навряд ли «голубизна», «белизна», «лошадность» смогут удовлетворять критерию intersубъективности. Поэтому при односторонней отделимости частей от целого для того чтобы часть существовала, нужна иная семантическая категория, нежели семантическая категория целого. Всегда ли это имеет место? Вопрос этот требует исследования, но можно предположить, что в большинстве случаев это так. Во всяком случае, для т.н. акцидентального расширения Brentано.

Интерпретация или прочтение экзистенциального суждения как раз и осуществляет выделение существующей части, оставляя целостности (акцидентальному расширению) возможность быть реализованной в иной семантической категории, нежели часть. А значит часть – это всегда категория существительного, тогда как целое – все другие семантические категории, не исключая существительного⁵. Таким образом, прочтение «существуют люди, не знающие латыни», или более точно – «люди, не знающие латыни (существуют, есть)» – это дескрипция, в которой «люди» есть часть «не знающих латыни». И любое прочтение экзистенциального суждения будет иметь форму «(тот) S, который P», где S – существительное (в грамматике), или индивидуальный параметр, который единственно и способен выражать существование, тогда как P – акцидентальное расширение этого параметра, стремящееся придать ему вид целостности. И повторим, выразить существова-

⁵ Говоря о тегической форме экзистенциального суждения, следует использовать понятие семантической категории, тогда как если речь идет о прочтении этой формы, т.е. естественном языке, вероятно, следовало бы говорить в категориях грамматики, т.е. о частях речи. Остается надеяться, что отсутствие указанной дистрикции не затруднит читателю понимание того, что хотел сказать автор.

ние в дескрипции можно только части, но отнюдь не целого. Причем выделение части осуществляется столь радикально, что потенциальное целое отделяется от нее запятой. А иначе, как кажется, в естественный язык и не введешь иную категорию, отличную от существительного, если попытаться именовать целостность образа своего сознания.

Что же общего остается у тетической формы экзистенциального суждения с дескрипцией в плане существования? Единственность предмета. Это в традиционном суждении под понятие субъекта могут подпадать несколько предметов или даже все (из объема), а в дескрипции и, разумеется, в экзистенциальном суждении представлен только один предмет. Правда, точность указания на него с точки зрения экзистенциального суждения хромает, т.е. она такая же, как и в традиционном суждении, поскольку в большинстве случаев приходится иметь дело с неопределенной дескрипцией, но это плата за выделение части, которых у целого может быть несколько. Разумеется, могут быть, и есть определенные дескрипции, в которых неточность устранена, и у такой дескрипции, по выражению Строссона, «могут вырасти заглавные буквы», т.е. она не просто, подобно определенной дескрипции, может выполнять роль собственного имени, но и быть таковым. Зато указание на единственность части осуществляется явно при помощи указательного местоимения, задающего направление обозначения, совпадающего, а лучше сказать, продолжающего направление интенции. Если принять эту мысль о продолжении направления интенции, то оказывается, что качественно оно такое же, как и у субъекта традиционного суждения – от предмета (в нашем случае, представления) к собственно обозначающему его выражению. Но в традиционном суждении вектор обозначения берет начало в одном из элементов объема понятия, использующего уже готовый термин, что было ранее обозначено «↓», тогда как в случае дескрипции следует использовать противоположную направленность «↑», прочитываемую при помощи указательного местоимения. И это понятно, ведь в первом случае при использовании уже существующего выражения в языке, а значит отражающего существование элементов объема понятия, субъект суждения находится вовне продуцента суждения, тогда как в случае с дескрипцией представленный предмет есть образ сознания и находится внутри продуцента суждения и для его извлечения помимо интенции, ее нужно продолжить указательным местоимением, чтобы и этот предмет, а точнее, его часть также оказалась вовне. Это и делается указательным местоимением «тот, та и т.п.» («↑»), т.е. интенция требует своего выражения в языке. Следовательно, в обоих случаях отношение обозначения, казалось бы, направлено от предмета, но в случае аллогенической теории суждения – от элемента объема уже существующего понятия, к субъекту, тогда как в случае идиогенической теории – от образа предмета к обозначению его части, существование которой и полагается при помощи указательного местоимения – «тот S» таким образом, что акцидентальное расширение этой части выписывается отдельно в придаточном предложении «, который P».

Подводя предварительные итоги, отметим, что акцидентальное расширение субстанции у Brentано, да и у всякого продуцента экзистенциального суждения в тетической форме, является оценкой(ами). На основании этих оценок, к которым предъявляется единственное требование – быть ясными и отчетливыми, принимается решение о принятии или отбрасывании представленного предмета, которое и реализуется в высказывании суждения. Не только свободная воля является условием вынесения суждения – это необходимое, но недостаточное условие для вынесения суждения в любой теории, но, говоря языком Brentано, достаточным условием оказывается односторонняя отделимость оценки «истина» от всех прочих оценок, тогда как с позиций креационизма, как кажется, будет правильно говорить о неотделимости «истины» и оценок эстетических и этических. Отмеченная отделимость есть, с одной стороны, результат картезианского дуализма, а с другой и противоречащей первой – результат ревизии бикатегориальной онтологии Аристотеля в духе Спинозы, т.е. ее замены однокатегориальной.

Необходимость постоянной интерпретации и прочтения экзистенциального суждения в тетической форме не есть следствие несовершенства естественного языка, как думал Brentано. Поэтому эта форма не может удовлетворять критерию интерсубъективности, необходимому для коммуникации, ибо такая форма ликвидирует основную функцию естественного языка в среде его носителей. Языковой формой, удовлетворяющей критерию интерсубъективности, оказалась дескрипция, в которой существование и сущность оказались разделены: «тот S,» – это существование, но всего лишь части расширенной акциденцией субстанции по Brentано, и сущностью – «который P». Такое разделение в частях дескрипции позволяет подключить логику и контролировать «акцидентальное расширение».

Таким образом, дескрипция оказалась тем защитным механизмом, который не позволяет образу сознания осуществиться в языке, а значит претендовать и на реальное существование. От предмета к образу – можно перейти, а наоборот – во всяком случае, не всегда. Следовательно, подобно понятию, дескрипция выполняет ту же защитную функцию от того, «что кому кажется». От Протагора до Brentано, и от Сократа до Рассела, введшего дескрипцию в научный оборот, дистанция огромного размера. Как ее оценить? Как окончание золотого века философии? Это покажет будущность, а покамест можно сказать, что философия действительно стоит в начале решающего этапа своей истории, инициированной, подобно софистам, Францем Brentано.

И последнее замечание касательно софистической роли Brentано. Протагор – не будем здесь говорить, по каким соображениям – в основу своей философии положил «истину»; Brentано же отправным пунктом своей доктрины сделал отнюдь не существование – оно явилось результатом его доктрины, но и не истину, которая «вторична» или релятивна, т.е. также оказывается результатом его размышлений, что объясняет реформаторские устремления австрийского логика и сближает его с создателями формализованной логики.

Неужели Франц Brentано так и останется непонятым возмутителем спокойствия духа своих учеников, создававших в попытках объяснения учения своего учителя теорию предметов, теорию суждений, феноменологию и прочие, порой грандиозные, как сегодня сказали бы, проекты? Как оказывается, «проблема Brentано» (но отнюдь не традиций брентанизма) разрешается весьма просто.

В философии существует магистральный путь ее развития от сущности к существованию. Разумеется, были опасные схождения на обочину, причем заканчивающиеся иногда трагически. Назовем только первого из таких заблудившихся – Парменида, оставив его последователей безымянными. И если философ склонен упорствовать в разрешении проблемы до конца, то богослов, оказавшись силою обстоятельств в положении философа, не уповаает на свои силы, но имеет мужество отказаться от решения стоящей перед ним проблемы. Так произошло тогда, когда богословы в познании пошли от Сущего к Его сущности, т. е. не только сошли с магистрального пути философии, но пошли вспять. Тогда то и возникло апофатическое богословие как отказ от истинного познания атрибутов Сущего.

И Brentано, будучи и каноником и философом, казалось бы идет от сущности, или – говоря его языком – от акциденций вещи к ее существованию, которое оказывается конечным результатом его поисков. Но не будем забывать, что его акциденция – это расширенная субстанция. Поэтому нас, воспринимающих его теорию, он заставляет идти не от сущности к существованию, а от существования, т. е. от экзистенциального суждения (в креационизме эти понятия бытийно эквивалентны) к сущности. Говоря иначе, он не только сталкивает нас на обочину магистрального развития философии, но понуждает идти в обратном направлении. А оно, как показывает опыт богословов, неминуемо приводит к апофатическому методу, но теперь уже в философии. А в худшем случае – к непониманию, что имело место на протяжении столетия. Таковы последствия фундаментальной проблемы человеческого сознания, указанные выше в цитате С. Приста. И сколько бы не предлагать прочтений тегической формы экзистенциального суждения, «ваше восприятие – это ваше восприятие, а мое восприятие – мое восприятие».

«Исправление имен» стоило Сократу жизни. Какую цену надо заплатить за исходную позицию Brentано? Рационалист, наверное, затруднится с ответом и попросит время на размышления. Креационист, отождествляющий истину и существование, незамедлительно ответит: не меньшую цену, чем Сократ.

ЛИТЕРАТУРА

- Брентано Ф.* Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, РФО, 1996.
Прист С. Теории сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. Глава 7. Феноменологический взгляд: Brentано и Гуссерль // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/prist01/index.htm>
Саноцкий Я. Логика и онтология в философии Франца Brentано / Дисс. на соискание уч. ст. к. филос. н. – М.: 1999.

- Твардовский К.* О действиях и результатах. Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики // К.Твардовский. Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 160–192.
- Твардовский К.* Теория суждений // Логос. – 1999. №7. – С.48–66.
- Чернокутов Ю.Ю.* О силлогистике Франца Brentano // Седьмые Смирновские чтения по логике: Материалы международной научной конференции 22-24 июня 2011. – М.: Современные тетради, 2011. – С. 154–156.
- Brentano F.* Die Lehre vom richtigen Urteil: Nach Vorlesungen ueber Logik. – Bern: Francke Verlag., 1956.
- Hillebrand F.* Die neuen Theorien der kategorischen Schlüsse. Eine logische Untersuchung. – Wien: Alfred Hölder, 1891.
- Morscher E., Simons P.* Objektivitaet und Evidenz // Vom Wahren und Guten. Festschrift fur Balduin Schwarz zum 80. Geburtstag. – Salzburg: Verlag St.Peter, 1982. – P. 205–222.
- Mulligan K., Simons P., Smith B.* Truth-Maker // Philosophy and Phenomenological Research. – 1984. – № 44. – P. 287–321.
- Twardowski K.* O idio- i allogenetycznych teoriach sadu // Przegląd filozoficzny. – Warszawa. – X (1907). – S. 467.
- Twardowski K.* Z logiki przymiotników // Przegląd Filozoficzny. – Warszawa. – XXX (1927). – S. 292–294.
-

Boris Dombrovskiy (Lviv)

Franz Brentano as a precursor of analytic philosophy

The paper considers F. Brentano's judgement theory and its influence upon the development of analytical philosophy. It is asserted that this judgement theory in Brentano's reistic ontology, using the notion of accidental extension, leads to the creation of the existence of things "by word". Such an "art" becomes possible only when the "accidental extension" is treated as an aesthetic or ethic evaluation. Brentano owes the separation of a logical evaluation of "truth" to Descartes' dualism. Judgement theory does not satisfy the criterion of intersubjectivity. Therefore Brentano as well as his admirers must read the judgements by description. It is stated that the description defence mechanism against the expression of the presented subject in language lies in the fact that it does not allow for the unique junction in the composition of the description of existence and essence (accidental extension), allowing to express the existence of only a part of the presented subject.

Boris Dombrovskiy, PhD in philosophy, noted researcher of Lviv-Warsaw School's heritage

Борис Домбровський, кандидат філософських наук, відомий дослідник спадщини Львівсько-Варшавської школи

Борис Домбровский, кандидат философских наук, известный исследователь наследия Львовско-Варшавской школы
